

УДК 811.112.2'42

Иванова Татьяна Федоровна

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории
и практики перевода № 2
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Tatiana Ivanova

PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Chair of Theory and Practice
of Translation and Interpreting № 2
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
tativ1010@yandex.ru

Лагун Ирина Игоревна

выпускник переводческого факультета
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Irina Lagun

Graduate of the Faculty
of Interpreting and Translation
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
i-lagun@mail.ru

ЭМОТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕЧИ КАК МАРКЕРЫ АВТОРСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕДАЧИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

EMOTIVE UTTERANCES IN GERMAN POLITICAL SPEECH AS MARKERS OF AUTHOR'S MODALITY AND WAYS OF THEIR TRANSLATION INTO RUSSIAN

На материале политической речи пяти современных немецких политиков рассматриваются средства экспрессивного синтаксиса с опорой на понятие авторской модальности. Устанавливаются общие тенденции в использовании перечисления, повтора, инверсии и пролепсы как наиболее частотных конструкций в сопоставительном аспекте. По результатам анализа переводов аутентичных текстов на русский язык определены типичные способы перевода экспрессивных синтаксических конструкций.

The article focuses on the means of expressive syntax in political speech of five modern German politicians. The means of expressive syntax based on the concept of the author's modality. The analysis shows that the most expressive means at the syntactic level are repetition, enumeration, inversion and prolepsis. The most frequent method of translating syntactic means is syntactic assimilation.

К л ю ч е в ы е с л о в а: политическая речь; авторская модальность; экспрессивный синтаксис; перевод.

K e y w o r d s: political speech; author's modality; expressive syntax; translation.

Политический текст, как единица политической коммуникации, может иметь в рамках политического дискурса в целом различную жанрово-стилистическую принадлежность и выполнять разнообразные функции. Текст политической речи с этой точки зрения представляет собой особый тип текста, в котором функция воздействия является самым непосредственным образом и очень активно влияет на отбор языковых средств. Специалисты по современной политической коммуникации отмечают все возрастающую выразительность политической речи. Яркость и неожиданность способов выражения мысли, удачная языковая игра и индивидуальность стиля высоко ценятся, поэтому в политической коммуникации активно используются приемы выразительности – эмотивные высказывания, содержащие различные стилистические фигуры и тропы [1, с. 106].

Изучение лингвостилистических свойств политической речи не является адекватным, если оставить без внимания важное для текстообразования и для текстовосприятия понятие *авторской модальности*. Модальность, будучи одной из важнейших текстовых категорий, скрепляет все единицы текста в единое целое и пронизывает как отдельные отрезки текста, так и весь текст в целом. Расширенное толкование модальности включает субъективную и объективную оценку содержания текста: в одних типах текстов, например, в научных текстах, доминирует объективная оценочность; в других, как, например, в политических текстах, превалирует авторская, индивидуальная оценочность. В последнем случае на передний план выдвигается сам акт коммуникации, речевая ситуация, т.е. взаимоотношение автора политического текста и потенциального читателя / слушателя, в результате чего прагматика модальности значительно расширяется. Политические речи являются наиболее прагматически ориентированными, поскольку доминирование воздействующей функции обуславливает необходимость осознанного речевого планирования в зависимости от интенции адресанта и влияющего в связи с этим на использование определенного набора языковых средств.

При рассмотрении понятия модальности по отношению к текстам политического дискурса *под авторской модальностью* следует понимать выраженное в тексте отношение автора к сообщаемой информации, его точку зрения,

позицию, ценностные ориентиры, которые сформулированы и доведены до сведения адресата. В этом смысле с авторской модальностью «перекликается» понятие *образа автора* как производителя речи, субъекта повествования, речевое произведение которого отмечено наличием определенной программы воздействия на адресата, т.е. прагматической составляющей.

С этой точки зрения текст публичной политической речи рассматривается как ментально-речевое воздействие на сознание адресата, которое обеспечивается наличием определенного набора характерных лингвостилистических конструкций. Конкретные способы лингвистического представления и стилистической обработки информации предпочтительны для каждого конкретного автора. В этом случае в процессе восприятия политической речи происходит не только усвоение информации, но и восприятие *образа автора* как понимание концепции, системы оценок конкретного автора, а затем и усвоение или отторжение его политических взглядов и системы ценностей. Можно согласиться с тезисом психолога-исследователя М. Н. Новиковой-Грунд, согласно которому «любой публичный деятель (в той мере, в какой он публичен) есть не что иное, как текст, точнее, комплекс текстов» [2, с. 82]. Данный тезис подтверждает лингвистическое представление об активности автора политического текста и позволяет констатировать в каждом речевом произведении политика прагматическую компоненту, избирательную для каждого автора. Главное, чтобы личностная (фракционно-личностная или партийно-личностная) прагматическая установка автора на решение тех или иных политических проблем была адекватно интерпретирована как авторская модальность, скрепляющая все единицы текста в единое смысловое и структурное целое.

Исследование текстов речей немецких политиков Йоахима Гаука, Ангелы Меркель и Франка-Вальтера Штайнмайера по случаю 500-летия Реформации, а также текстов парламентских речей А. Меркель и М. Шульца однозначно показывает, что тексты данных речей отмечены значительным объемом использования эмотивных высказываний, в частности средств экспрессивной выразительности как на лексическом, так и на синтаксическом уровне. Несмотря на общую тематику текстов, актуализация речевых тактик ораторов в плане частотности использования экспрессивных синтаксических конструкций значительно отличается (в некоторых случаях практически в два раза).

Так, например, на основании сопоставительного анализа текстов речей политиков Франка-Вальтера Штайнмайера и Мартина Шульца можно сделать вывод, что активно используемые ими в своих выступлениях такие синтаксические конструкции, как перечисление (*unser Land kennt Krieg, Diktatur, Verfolgung und Vertreibung* – М. Шульц), анафорический повтор в рамках параллельных конструкций (*Mir ist wichtig, dass die hart arbeitenden*

Menschen, die sich an die Regeln halten, die sich um ihre Kinder und oft auch um ihre Eltern kümmern, die manchmal trotz zweier Einkommen nur geradeso über die Runden kommen, dass wir diese Menschen in den Mittelpunkt unserer Politik stellen – М. Шульц), инверсия (*Diese Sorgen spüre ich in unserem Land* – Ф.-В. Штайнмайер) и пролепса (*..und mein großer Respekt vor diesem Amt, der bleibt* – Ф.-В. Штайнмайер), весьма существенно отличаются в процентном отношении в аналогичных текстовых объемах (табл.):

Средства синтаксической выразительности,
в выступлениях Ф.-В. Штайнмайера и М. Шульца

Средство синтаксической выразительности в эмотивном высказывании	Количество употреблений в речи Ф.-В. Штайнмайера, %	Количество употреблений в речи М. Шульца, %	Средний показатель, %
Перечисления	8,7	43,0	43,0
Повторы	28,3	19,6	19,6
Инверсия	8,7	15,0	15,0
Пролепса	15,2	0,9	0,9

Безусловно, на выбор синтаксических конструкций в немалой степени оказывают влияние личные предпочтения автора текста.

В речи Ф.-В. Штайнмайера наиболее частотны различные виды повторов, в частности анафорический повтор: *Ist es nicht erstaunlich, ist es nicht eigentlich wunderbar, dass dieses Deutschland, „unser schwieriges Vaterland“, wie Gustav Heinemann es mal nannte, ist es nicht wunderbar, dass dies Land für viele in der Welt ein Anker der Hoffnung geworden ist?* В этом примере анафорический повтор в формальном плане усиливает логическую спаянность частей высказывания, обеспечивает в плане восприятия естественность речевого потока, выступает своеобразным средством изображения определенного душевного состояния оратора, последовательно и уверенно отстаивающего свою позицию. Данный факт является показателем того, что текст выступления есть заранее подготовленная и четко организованная речь, в которой на выбор синтаксических конструкций оказывают влияние личные предпочтения оратора в плане реализации его речевой тактики как программы воздействия на адресата. В результате актуализируется восприятие образа автора как понимание его системы оценок, его авторской модальности.

Следует также отметить значительное количество обращений в тексте выступления Ф. В. Штайнмайера, которые в речи выполняют контактоустанавливающую функцию и помогают слушателям почувствовать себя «своим»

в определенной ситуации коммуникации (фатическая функция). Нельзя не обратить внимания также и на тот факт, что фраза „*Ihr macht mir Mut*“, произнесенная им в начале речи, становится лейтмотивом дальнейшего повествования и тем фундаментом, на котором автор строит свое выступление (слово *Mut* и однокоренные слова употреблены в тексте 12 раз).

Политик М. Шульц, в отличие от Ф.-В. Штайнмайера, очень активно использует такие приемы, как перечислительные ряды. Их использование свидетельствует о безусловном желании говорящего убедить, оказать влияние на политическое сознание адресата. При этом политик совершенно не использует в своей речи эмотивные высказывания с такими синтактико-стилистическими конструкциями, как апозиопезис, изолированные предложения и плеоназм. Данный факт может быть дополнительным показателем того, что перед нами заранее подготовленная и четко организованная речь, в которой неуместными будут приемы избыточности (плеоназм) или умолчания (апозиопезис).

Анализ текстов речей А. Меркель и М. Шульца также показывает, что, несмотря на общую тематику текстов, актуализация речевых тактик ораторов в плане частотности использования экспрессивных синтаксических конструкций значительно отличается.

А. Меркель в своей речи останавливается на том, насколько существенно изменилось положение дел в Германии при главенстве ХДС, доказывая тем самым эффективность выбранной данной партией политики и подчеркивая, что достигнутые результаты – это заслуга всех членов партии и министров. Делимитативная функция проявляется при этом слабо, но выполняется групповыделительная функция (содержательное и языковое обеспечение идентичности). Использование наиболее частотных экспрессивных синтаксических конструкций способствует реализации речевой тактики Ангелы Меркель в плане выполнения функции убеждения и аргументации: *Denken wir etwa nur an unser jahrelanges Engagement im Rahmen des Normandie-Formats zusammen mit Frankreich zur Stabilisierung der Lage in der Ostukraine. Denken wir an unsere Bemühungen, Nordkorea davon abzubringen, sein völkerrechtswidriges Raketen- und Nuklearprogramm weiterzuverfolgen. Oder denken wir an die andauernden Konflikte und Bürgerkriege – von Afghanistan über Irak und Syrien bis nach Libyen – und an den Kampf gegen den Terrorismus von Boko Haram in der Region um den Tschadsee oder gegen den Terrorismus andernorts, zum Beispiel in Mali.*

В сравнении с речевой тактикой Ангелы Меркель, в речи Мартина Шульца наблюдаются элементы более агрессивной и более эмоциональной тактики, что актуализируется в лингвистическом плане наличием значительного количества восклицательных предложений, наряду с повторами и перечислением: *Wer das gegeneinander stellen will, versündigt sich an den Zukunftschancen unserer Kinder und der nachfolgenden Generationen! – All diesen Rassisten, Extremisten und*

Populisten sage ich, sagt die gesamte SPD den Kampf an! Man muss den Rücken gerade machen und den Radikalen den Kampf ansagen. – Das wollen wir tun! Отсюда можно сделать вывод о том, что тактика речи Мартина Шульца ориентирована в большей степени на выполнение, в первую очередь, персуазивной функции, наряду с информативной.

Анализ переводов показал, что наибольшее количество эмотивных высказываний с экспрессивными синтаксическими конструкциями в проанализированных и переведенных текстах не представляют особой сложности в процессе перевода и в большинстве случаев могут быть заменены на аналогичные конструкции на русском языке. Это касается, в первую очередь, многочисленных *перечислительных конструкций*:

<i>Weder Luther, noch Calvin, noch Zwingli noch ein anderer der Reformatoren in deutschen und europäischen Ländern konnte ahnen, welche ... (J.Gauck)</i>	Но всё же ни Лютер, ни Кальвин, ни Цвингли и ни один другой немецкий и европейский реформатор не могли предположить, какие ... (Й. Гаук)
---	---

Однако в данном случае в речи Й. Гаука встречаются примеры перечислительного ряда с использованием такой стилистической фигуры, как *климакс*. Так как данный приём создает ощущение нарастания эмоциональной содержательности и насыщенности, при переводе целесообразно воссоздать аналогичную фигуру речи:

<i>Wenn Menschen sich bewusst machen, dass sie hier und da in rational nicht fassbarer Weise beschenkt, getragen oder bewahrt waren, ... (J.Gauck)</i>	Если люди осознают, что их рационально необъяснимым образом одаривают, поддерживают или обе- регают, ... (Й. Гаук)
--	---

Возможность сохранения в переводном тексте соответствующего оформления конструкций с анафорическим повтором зачастую требует при переводе проведения определенных грамматических трансформаций:

<i>Es ging gegen den Papst, seine Ablasspolitik und die dahinterstehende Theologie, es ging gegen die Angstpropaganda der päpstlichen Legaten, die anboten, sich vor der ewigen Verdammnis mit Geld freikaufen zu können – es ging, mit einem Wort, gegen Rom. (F.-W. Steinmeier)</i>	Он выступил против Папы, его политики индульгенций и связанного с ней учения, он выступил против про- паганды страха, проводимой папскими легатами, которые предлагали с помо- щью денег откупиться от вечной кары, одним словом, он выступил против Рима. (Ф.-В. Штайнмайер)
---	--

Примеры перевода высказываний с использованием стилистической инверсии как продуктивного средства выражения экспрессии подтверждают тот факт, что в русском языке инверсия является более распространенным и, следовательно, менее действенным стилистическим средством, чем в немецком языке. Анализ перевода текстов показывает, что в некоторых случаях сохранение инверсивного порядка слов в русском предложении представляется оправданным, в некоторых же случаях целесообразно сделать выбор в пользу использования грамматической трансформации:

<i>Auch für die Geschichte der Emanzipation war es auf lange Sicht außerordentlich wirksam, dass...</i> (J. Gauck)	<i>Также для истории эмансипации в долгосрочной перспективе оказалось крайне важно, что...</i> (Й. Гаук)
--	--

<i>So direkt politisch aber hatte Luther seine Botschaft nicht verstehen wollen – er befürchtete einfach Anarchie.</i> (J. Gauck)	<i>Но Лютер не хотел, чтобы его призыв был воспринят так политично: он просто опасался анархии.</i> (Й. Гаук)
---	---

В итоге необходимо подчеркнуть, что использование понятия *авторской модальности* в применении к исследованию политической коммуникации позволяет рассматривать коммуникацию в процессе восприятия текста политической речи как речевые действия автора, призванные оказать определенное воздействие на адресата и рассчитанные на обратную связь. Немецкоязычные эмотивные высказывания с экспрессивными синтаксическими конструкциями являются в этом плане наиболее выпуклым и продуктивным средством выражения авторской интенции и могут оказывать аналогичное воздействие при переводе на русский язык для сохранения соответствующего уровня смысловой и прагмакоммуникативной значимости при условии использования определенных грамматических трансформаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. – 4-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2012. – 256 с.
2. Новикова-Грунд, М. В. «Свои» и «чужие»: маркеры референтной группы в политическом дискурсе / М. В. Новикова-Грунд. – Полис. Политические исследования. – 2000. – № 4. – С. 82–93.